
М. А. РОБИНСОН, Л. И. САЗОНОВА

О судьбе гуманитарной науки в 20-е годы по письмам В. Н. Перетца М. Н. Сперанскому

Академик В. Н. Перетц (1870—1935) — выдающаяся фигура в отечественной гуманитарной науке. С его именем связано не только изучение ключевых проблем истории древнерусской литературы и культуры от киевского периода до начала XVIII в. В. Н. Перетц как создатель научной школы исследователей славянского средневековья во многом предопределил пути развития медиевистики. Закономерно поэтому, что все имеющее отношение к жизни таких крупных ученых вызывало и вызывает самый пристальный интерес, ибо без изучения истории науки и ее выдающихся представителей невозможно проследить как продолжение традиций, столь важных для стабильности науки, так и губительные для нее нарушения и разрывы преемственности поколений.

В бурной и трагической истории нашей страны 20—30-х гг. судьба гуманитарной науки в целом и отечественной медиевистики в частности, крупнейшими представителями которой в этот период являлись В. Н. Перетц и М. Н. Сперанский (1863—1938), занимает особое место. Настоятельная потребность нашего времени состоит в том, чтобы восстановить подлинную историю науки. Источником первостепенной важности является архивное наследие. Обращение к нему дает возможность полнее представить как научные интересы, так и общественные взгляды ученых, устранить белые пятна и намеренные фигуры умолчания, сопутствующие описаниям жизненного пути особенно тех из них, кто подвергся репрессиям.

Нигде так ярко не отражается личность ученого, как в переписке с близкими ему профессионально и по умонастроению коллегами. Письма В. Н. Перетца находятся в фондах многих ученых, но особенно охотно и откровенно он писал академику М. Н. Сперанскому, возглавлявшему в 1921—1929 гг. Отдел рукописей ГИМ. Именно на 20-е гг. приходится более 90% всех писем В. Н. Перетца М. Н. Сперанскому. В них затрагиваются самые разные стороны как политической, общественной, так и научной жизни страны.

Перед нами предстает не только образ ученого, обладающего широтой взглядов и разносторонними интересами, но и натура темпераментная, волевая, страстная, что проявилось в суждениях и оценках, иногда, возможно, чрезмерно резких, а также в стиле, свободном от академической умеренности. В. Н. Перетц был великолепным мастером на острое слово. Его остроумие и острословие, пристрастие к высмеиванию и вышучиванию дают о себе знать не только в характеристиках, применяемых по отношению

к отдельным лицам и состоянию дел в Академии наук, но даже в такой мелочи, как он мог изобразить свой домашний адрес.¹

Из писем возникает образ ученого — решительного сторонника сохранения в науке ее академических традиций, противника всевозможных политических и псевдонаучных новаций, внедрявшихся властями в науку. Поводов для проявления такой позиции у В. Н. Перетца было достаточно. Уже с начала 20-х гг. государственные и партийные органы взяли курс на политический контроль над наукой и внедрение в нее марксизма как единственно верной методологической основы для всех отраслей знания. В гуманитарную науку решительно вторглись и «школа Покровского», и «вульгарный социологизм», и «новое учение о языке» Н. Я. Марра, пользовавшиеся безусловной поддержкой властей. Дело, однако, не ограничивалось идеологическим и политическим давлением государства на науку в целом, осуществлялось и прямое вторжение в сферу научной и особенно преподавательской деятельности. Основным критерием оценки ученого служила проверка на марксистскую лояльность.² У неугодных профессоров постепенно отбирали их курсы. Среди них оказался и В. Н. Перетц, сообщавший М. Н. Сперанскому в марте 1925 г.: «А тут еще мне подложили гадость. Я Вам говорил, кажется, что в Университете я уже 2-й год лишен права читать Методологию истории литературы, ибо для этого нужен „специальный покров. Теперь, вчера в заседании преподавателей русской словесности, бывшем у меня на дому, тот же субъект, который „завоевал“ у меня методологию, некий Назаренко, заявил, что курс устной русской словесности (который я читаю с 1921 г.) — будет читать специально приглашенный из Харькова Зеленин, которого, кстати сказать, мы выбрали в Отделение языка и истории для чтения *этнографии материальной* (соха, лапти, изба и пр., где он чувствует себя прочно). Таким образом ясно, что меня выпирают самым откровенным способом с помощью новых лиц. Истории украинской литературы, которую я читаю в текущем году, — на будущий год нет в плане...»³

В. Н. Перетц питал надежду, хотя и слабую, еще раз издать свои работы по методологии истории русской литературы и продолжал разрабатывать для этой цели новые темы, в частности о литературных подделках: «Я ими тоже собрался заняться, — писал он в том же письме М. Н. Сперанскому, — на всякий случай, ежели, например, моя *не* марксистская Методология найдет себе издателя».⁴ Но, к сожалению, процесс вытеснения всего немарксистского набирал новую силу, и надежды ученого не оправдались. Сам В. Н. Перетц чрезвычайно скептически относился к марксизму, отмечая, что сторонниками и пропагандистами этого учения становятся, по его мнению, или просто бездарные люди, или те, кто хочет скорее приспособиться к новым общественным условиям. После завершения учебного года в июне 1925 г. В. Н. Перетц в письме М. Н. Сперанскому так характеризовал итоги «выпирания» старой профессуры: «Остались же — „красные“ профессора, но беда — у них нет не только никакой

¹ Сразу после переименования Петрограда В. Н. Перетц написал домашний адрес, закавычив новое название города и иронически обыграв название набережной: «2.П.1924. „Ленинград“, (по)Мойка, 21» (СПбО АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 28).

² См. подробнее: Робинсон М. А. Государственная политика в сфере науки и отечественное славяноведение 20-х годов // Исследования по историографии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991. С. 111—134.

³ СПбО АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 57 об., 58.

⁴ Там же, л. 58 об.

квалификации, но и вообще даже грамотности, как, например, у Назаренка».⁵

Особенно ярко отношение В. Н. Перетца к методологическим новшествам в литературоведении отразилось в письмах нескольких лет, посвященных теоретическим изысканиям П. Н. Сакулина и связанному с ними вопросу о возможности его избрания в академики. Еще в 1925 г. В. Н. Перетц, говоря о неудаче выдвижения П. Н. Сакулина в Академию, отмечал, что у него «и мало работ, а которые есть — один Одоевский хорош. К тому же его последняя книга, которую он усердно всем разослал, слишком напомнила место из „Теории прибавочной ценности (стоимости. — М. Р., Л. С.)“ Маркса, процитированное Зиновьевым в его речи на юбилее Академии, — очень неелестное для людей типа Павла Никитича».⁶ Полученная от П. Н. Сакулина в январе 1926 г. работа позволила В. Н. Перетцу дать ей оценку и высказать попутно собственные очень интересные теоретические соображения. Новый труд П. Н. Сакулина, по его мнению, — это «цитаты из книг не только плохо переваренных, но порою даже просто непонятых. Он так изложил, например, мои соображения о периодизации, что я диву дался: упустил из виду самое существенное — невозможность абсолютно периодизировать литературу, ибо в одно и то же время, только в разных слоях (а это ему, «марксисту», надо знать), сосуществует продукция *разного времени*». В. Н. Перетц заметил, что эта работа «на бирже учености не создаст Павлу Никитичу ни славы, ни дивидендов».⁷ Буквально через неделю В. Н. Перетц вновь писал своему коллеге, давая весьма язвительную оценку нового направления в работах П. Н. Сакулина: «Сакулин не имеет шансов: меньше, чем Сиповский, потому, что после последних „богословских“ работ по воображаемой методологии он не соберет и 3-х голосов. И зачем он, в сущности сведущий человек, печатает такую дрянь, да еще написанную наспеху. Я немало изумился, прочтя изложение своих мыслей: *так* не понять — даже студенту неловко! А кроме этого, у него один Одоевский! Вот бы ему это окончить, чем других поучать».⁸

В. Н. Перетц и в 1927 г. продолжал отстаивать свое мнение перед М. Н. Сперанским, причем очевидно, что оно основывалось исключительно на научной оценке трудов П. Н. Сакулина и было лишено всякой личной неприязни: «Мне как-то не верится, что за *одну* в сущности диссертацию можно (невзирая на ряд плохих компиляций вроде «Социализм в русской литературе» («Русская литература и социализм». М., 1922. — М. Р., Л. С.) и пресловутой «Методологии») получить звание академика. *Что* в итоге внес нового в науку о литературе Сакулин? Я — каюсь в своем невежестве — не знаю. Но знаю, что он очень милый и обходительный человек... но этого все же мало!». ⁹ Ученый знал, что М. Н. Сперанский решил поддержать в специальном отзыве кандидатуру П. Н. Сакулина, и все же предпочел вступить в столкновение с большинством своих коллег, но не изменить своего мнения. В. Н. Перетц не принял участия в голосовании в специальной выборной комиссии, о чем и написал М. Н. Сперанскому, добавив: «...я все-таки не убежден в том, что Ваш кандидат не *публицист*, а исследователь: я ведь изучил его Одоевского, и Пушкина, и Радищева и пр.».¹⁰

На такую позицию В. Н. Перетца жаловался явно недолюбливавший ученого за прямоту высказываний председательствовавший в ОРЯС

⁵ Там же, л. 63 об.

⁶ Там же, л. 73 об., 74.

⁷ Там же, л. 85, 85 об.

⁸ Там же, л. 93 об., 94.

⁹ Там же, л. 128, 128 об.

¹⁰ Там же, л. 142.

В. М. Истрин, сообщавший М. Н. Сперанскому, что «выборы прошли действительно со „скандалом“. Перетц пытался сорвать заседание, но это ему не удалось; пытался подвергнуть обсуждению Ваш отзыв, но в этом ему было отказано. Рассердившись, он ушел из заседания, что для нас оказалось лучше, ибо без него Сакулин выбран был единогласно».¹¹ Но В. Н. Перетц ничуть не изменил своих суждений и в 1928 г., когда писал М. Н. Сперанскому: «Я получил новое издание Сакулина и не обрадованнисколько: очень легкомысленное „нечто обо всем“, а в сущности такая же компиляция, что и другие его труды».¹²

Однако П. Н. Сакулин, пользовавшийся поддержкой не только некоторых академиков, но и таких политических деятелей, как А. В. Луначарский, все же был выбран в Академию. Но случилось это уже в 1929 г., когда фактически завершилось начатое со второй половины 20-х гг. решительное наступление властей на сохранившиеся с дореволюционных времен научные традиции за установление абсолютного идеологического контроля над наукой, и объектом для атак было выбрано главное прибежище этих традиций — Академия наук и ее структуры.

Академия вступила в полосу всевозможных внутренних реформ и преобразований, очевидной целью которых было постепенное ослабление ее самостоятельности. Действия по отношению Академии становились все прямолинейнее, а удары все тяжелее. Полем острой борьбы стал вопрос о пополнении состава Академии новыми членами. И если в начале особым покровительством властей пользовались ученые, объявившие о своей близости новой марксистской методологии, то потом официальными кандидатами стали просто видные партийные и государственные функционеры (Н. И. Бухарин, А. В. Луначарский и др.).

Вообще проблемы, связанные с Академией, такие, например, как ее взаимоотношения с властями, внутренние отношения руководства с «рядовыми» академиками, острые проблемы выборов в Академию вообще и их политический аспект в частности, вызывали у многих членов Академии, в том числе и у В. Н. Перетца, самую живую и заинтересованную реакцию. Их открытое возмущение вызывали не только государственный нажим, но и соглашательская позиция руководства Академии, ее Президиума. Политика компромиссов и уступок вела к утрате Академией ее интеллектуальной свободы, а, как считал один из самых независимо мыслящих и принципиальных академиков В. И. Вернадский, «...Академия не сможет существовать и давать то, чего от нее ждут, если она сама будет ограничивать проявление своей мысли».¹³ Когда в связи с предстоящим празднованием 200-летнего юбилея Академии наук обнаружилась тенденция к ограничению ее контактов с зарубежными коллегами, В. Н. Перетц сразу же откликнулся в письме М. Н. Сперанскому: «Слышали ли Вы о порядке приглашения гостей на академический юбилей? Любопытно: приглашают учреждение прислать список предполагаемых лиц, этот список рассматривает ГПУ и в случае, если окажутся нежелательные лица, вычеркивает; затем остальных уже приглашают. Интересно, много ли народу приедет после такого отбора. И не потому, что многих вычеркнут, а потому, что и не вычеркнутые из солидарности могут отказаться».¹⁴ Ближе к юбилейным торжествам В. Н. Перетц вновь писал М. Н. Сперанскому перед возвращением после летнего отпуска в начале августа 1925 г.: «...скоро едем в Питер, где

¹¹ Там же, д. 315, л. 113.

¹² Там же, д. 226, л. 197.

¹³ Там же, ф. 825, оп. 2, д. 33, л. 5 об.

¹⁴ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 64, 64 об.

„шумят“ наши академические олигархи, созывая народ на юбилей. Только судя по опубликованному в „Известиях“ 31 июля списку ожидаемых гостей, съезд будет скудный, славянских ученых — как кот заплакал: Мурко, Поливка, Бодуэн (де Куртенэ. — *М. Р., Л. С.*), да сюда же можно причислить Олафа Ивановича (Брок. — *М. Р., Л. С.*) — вот и все! Целые страны и масса отдельных лиц не прошли сквозь густое сито цензуры».¹⁵

Многие годы научной и педагогической деятельности В. Н. Перетца были связаны с работой на Украине. Не порывал он их и после избрания в 1914 г. академиком и связанного с этим переезда в Петербург. Ученый внимательно следил за жизнью возникшей на Украине Академии наук, в состав которой был избран в 1926 г., с 1919 г. он был ее внештатным членом. Его остро задевало невнимание и некоторое, по его мнению, пренебрежение к нуждам молодой Академии и недооценка видных украинских ученых. Так, в августе 1925 г. в обширном постскриптуме к своему письму М. Н. Сперанскому он сетовал: «Куриоз: Наша Академия весьма пренебрежительно относится к Всеукраинской Академии: она даже (т. е. конечно — наша олигархия) не послала Украинской Академии приглашения на юбилей. Лободу я с трудом провел в члены-корреспонденты, Грушевского — нынче Платонов не смог провести в члены-корреспонденты, ибо „не встретил сочувствия“ — а украинцы... избрали в действительные члены *Ольденграда* (Ольденбург. — *М. Р., Л. С.*), *Стеклова*, Карпинского, Бузескула и *Бородина*. Трое подчеркнутых — всегда стояли на резко консервативно-централистической точке зрения и не скрывали своего нерасположения к „сепаратизму“. Чем объяснить такую... неосторожность украинцев? Или это — сервиллизм? Преклонение пред „столичными“ персонами? Побываю в Киеве — выясню. А то удивительно!».¹⁶

В. Н. Перетца угнетала обстановка, все больше захватывавшая Академию наук, непонимание властями необходимости изучения своей национальной истории и культуры. Он довольно точно подметил общую тенденцию государственной политики, во всех сферах предпочитавшей национальному интернациональное. Поэтому таким сарказмом наполнено его упоминание в письме М. Н. Сперанскому от 2 марта 1926 г. одного из героев романа И. Г. Эренбурга «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников...»: «Устав готов — 2 отделения, и таким образом нас „сливают“ с азиатами. Хорошо еще, что не выгоняют вон за ненадобностью. И это в то время, когда Европа и Америка особенно интересуются наукой о России. Но нам — теперь важнее негр Айша (см. у Эренбурга) с его идолами. Академики будут выбираться, по слухам, так: в избирательную комиссию командированы члены от разных учреждений и, конечно, от Академии наук. Кандидатов выдвинут и Академия (отделения), и разные ученые и научные учреждения. О них — составляются записки; но баллотирование производит в конце концов Академическое Общее Собрание. Все это *слухи*, потому что хоть мы и клядемся, что не будет „тайной дипломатии“, но Президиум усвоил себе сквернейшие черты бюрократического строя, и мы, т. е. *plebs*, Общее Собрание — узнаем обо всем после всех. Таким образом, и вышеизложенное — только, повторяю, *слух*».¹⁷

К сожалению, слухи в основном оправдались, и ничего хорошего от реформ уже никто не ожидал. Некоторой отрадой в это время было для В. Н. Перетца положение на Украине, хотя и там не обошлось без тревожных ожиданий: «До сих пор не знаю, — писал В. Н. Перетц, — что принес нам

¹⁵ Там же, л. 67.

¹⁶ Там же, л. 68 об.

¹⁷ Там же, л. 96—97.

новый Устав. Здесь в Киеве тоже ждут аналогичной неприятности. Как приятно видеть, что здесь гуманитарные науки не только не терпят утеснения, но даже поощряются; I и III отделения печатают больше, чем II физико-математическое. Кроме того, здесь Академия стоит „ближе к массам“: раз 5—6 в неделю в ее зале заседают различные комиссии публично. Публика видит работу Академии, а не таинственных жрецов, которые торжественно молчат: может быть, потому, что им нечего сказать, кроме политических выходов?».¹⁸

В. Н. Перетц не считал нужным скрывать своего возмущения безграмотными действиями всевозможных политических контролеров работы Академии наук и слабостью сопротивления руководства Академии этой политике. В ноябре 1927 г. о деятелях одной такой «комиссии „ученых“ ревизоров» он отзывался с едкой иронией: «Последние в науке неизвестны, но зато очень развязны. Наукой Академия наук занимается, по их мнению, и недостаточно, и неудачно, нет плана, „увязки“ и т. п. — в style moderne... И этикие поросята едва грамотные — берутся учить выдающихся ученых, из коих некоторые — мировой известности, — учить, как надо работать! Требуют заранее „планов“, как будто можно заранее предсказать, когда какая идея явится в процессе работы. Но Ольденбург и К^о очень напуганы этими благоглупостями, боятся за свое „положение и влияние“. А сказать смело, что неучам нельзя доверять суждение о таком научном Левиафане, как Академия, — боятся, не решаются».¹⁹

Спустя всего лишь полтора года благополучная, по характеристике В. Н. Перетца, ситуация в Академии наук Украины также сменилась проверками ученых на лояльность, проходившими в еще более безобразных формах, чем в центре. В письме от 23 января 1928 г. В. Н. Перетц писал другому своему адресату, академику Б. М. Ляпунову: «Здесь вопрос о кандидатах (в Академию. — М. Р., Л. С.) несколько отодвинулся вследствие „ревизии“ Академии, ведущейся совсем иным способом, чем у нас было. Тут нечто [вроде] допроса в участке, тон по отношению к членам Президиума совершенно неприличный. Ревизует лицо, далекое от понимания задач ученого учреждения. Естественно, это нервирует всех. Здесь вообще — Академия в большей зависимости от Харькова (столица Украины того времени. — М. Р., Л. С.), чем мы — от Москвы: академики утверждают не Общим Собранием, — а Совнаркомом, который, видимо, считает себя авторитетным в вопросах научной квалификации».²⁰

В. Н. Перетц очень рано обнаружил неискренность руководства Академии, его желание представить положение науки в стране в гораздо более привлекательном виде, чем оно было на самом деле. В апреле 1924 г. он сообщал М. Н. Сперанскому о том, что в Академии все получают лишь 80% жалованья, что составляет всего 60% к норме, что есть случаи самоубийств среди научных работников. «А господа Ольденбурги, — гневно восклицал В. Н. Перетц, — уверяют за границу, что русские ученые ни в чем не нуждаются! Оле подлость человеческая!».²¹ Из всего руководства Академии наибольшее раздражение В. Н. Перетца, как можно заметить, вызывал именно С. Ф. Ольденбург, который, будучи Непременным секретарем, обязан был по своей должности представлять точку зрения всей Академии. Ученый полагал, что С. Ф. Ольденбург, постоянно уступая нажиму властей, перешел ту грань, которая отделяет умеренную лояльность

¹⁸ Там же, л. 100 об., 101.

¹⁹ Там же, л. 165, 165 об.

²⁰ Там же, ф. 752, оп. 2, д. 241, л. 8, 8 об.

²¹ Там же, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 31 об.

от прямого сотрудничества, и начал проявлять собственную инициативу, идущую в русле указаний свыше. Измену академическим традициям В. Н. Перетц видел и в позиции, занятой С. Ф. Ольденбургом в истории с изданием сборника в честь известного слависта-лингвиста, академика А. И. Соболевского. Дело с изданием, редактором которого был В. Н. Перетц, продвигалось с большим трудом, поэтому ученый не мог не вспылить, когда до него дошел отзыв С. Ф. Ольденбурга об авторском коллективе сборника: «Передавали еще одну гнусность — будто он (Ольденбург. — М. Р., Л. С.) (в присутствии ряда лиц) выразился, что в Сборнике Соболевского участвуют „контрреволюционеры и враги народа“! Ведь за такую гадость прежде — к суду стоило бы привлечь, и суду чести, но — теперь он так запугал разных даже почтенных людей, что с ним предпочитают не связываться».²²

Не мог молчать В. Н. Перетц, когда видел бедственное положение высшей школы, проблемам которой, особенно подготовке молодых ученых, он посвящал столько сил. Его, профессора, руководителя знаменитого семинария, глубоко возмущала примитивная политизация и идеологизация образования. Свой протест ученый выразил в письме, к сожалению, пока не обнаруженном, официальному руководителю марксистской исторической науки М. Н. Покровскому. О содержании послания можно получить представление из его письма М. Н. Сперанскому: «Я написал уже 2 месяца тому назад ругательное письмо М. Покровскому, его читали в чудовищном звере, „РАНИЕ-Н“ именуемом, чесали затылки, но результатов никаких. Да, трудно молодежи запомнить такие „научные“ истины, как например — „философ Платон черносотенец и идеи его *вшивые*“, — как пишет Бухарин в своем популярном руководстве! И эту чушь должны зубрить... До такого позора и распытия здравого разума мы никогда не доживали при „ненавистном режиме“...».²³

Как уже упоминалось, В. Н. Перетц весьма скептически относился к научной основательности «красной» профессуры, и своего мнения он не изменил, когда многие из этой новой профессуры по плану партии должны были «укрепить» Академию наук, т. е. захватить ее изнутри. С этой целью были намечены беспрецедентные выборы в Академию наук, когда к 43 действующим академикам предполагалось добавить еще 42. Среди выдвинутых 10 ученых были членами коммунистической партии (которые в конечном счете и прошли)²⁴. В. Н. Перетц называл подобных кандидатов «однобокими». Предвыборная кампания официально развернулась в апреле 1928 г., но подготовка к ней началась гораздо раньше. Еще в декабре 1927 г. ученый делился своими опасениями относительно возможных кандидатов: «...боюсь, что высунутся Деборины и К^о — публицисты на философском фундаменте, а не философы».²⁵

В. Н. Перетц очень тонко подметил прием, который избрали власти для проталкивания своих ставленников и оттеснения неугодных кандидатов. Обращение к мнению, как принято было тогда выражаться, «широкой научной общественности» в данном вопросе ученый считал абсурдным, он писал: «Особенно забавно — для мыслящих людей у нас и за границей — головотяпское извращение идеи выборов: историков и философов — рекомендуют инженеры, химики и т. п. Вот судьбы в вопросе о „первостепенных

²² Там же, л. 207, 207 об.

²³ Там же, л. 140 об., 141.

²⁴ Брачев В. С. Укрощение строптивой, или Как АН СССР учили послушанию // Вестник АН СССР. 1990. № 4. С. 124.

²⁵ СП60 АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 180, 180 об.

научных трудах“ — по чужой специальности! Удивляюсь бесцеремонности и... порою подхалимству, против которого тщетно вели, как видно, кампанию наши газеты». ²⁶ Незадолго до голосования выдвинутых кандидатур на отделениях В. Н. Перетц вновь дал характеристику впервые применявшейся процедуры отбора кандидатов и остановился на наиболее одиозных фигурах, причем основное внимание уделил отзывам, полученным от лиц, поддерживавших кандидатов. Об экономистах, как отметил ученый, сделано «...дельно, по существу и главное без вранья, которого зато немало в отзыве Керженцева (впервые встречаю это имя среди специалистов по западноевропейской литературе?!) о Фриче. Это сплошные „андроны“. ²⁷ О Деборине — такая гипербола, что заинтересованный в деле философ краснел бы, слушая о себе такой акафист. Ну, а Фриче не покраснеет, он для этого слишком и без того красен. А я помню, как его за этот его „марксизм“, также за *вильгаризацию* марксизма терзали в прежние годы. А сейчас — хвалят! Это, верно, и есть своеобразная „диалектика“ в теперешнем понимании. Я изумлен, как Комиссии могли пойти на выставление только одного кандидата по каждой специальности. Ведь теперь в сущности „выбора“ не будет! Да и ставить рядом того же Фриче с Покровским ²⁸ и др. нельзя: то ученые, а это стыдно сказать что! Я думаю, что бесспорно пройдут оба Покровских, Грушевский (хоть и интриган — специалист по «деструкции»), Рязанов, Петрушевский, оба экономиста — Маслов и Солнцев, хоть и трудно их отнести к „мировым светилам“. Но все это народ солидный». ²⁹

Явное желание руководства страны видеть среди академиков не лучших, а «своих» кандидатов возмутило не только В. Н. Перетца. В знак протеста И. П. Павлов отказался работать в составе одной из комиссий, а В. И. Вернадский открыто подверг сомнению научные достоинства А. Н. Деборина. Выступление В. И. Вернадского было поддержано и другими академиками. В результате Общее собрание в декабре 1928 г. провалило и А. М. Деборина, и В. М. Фриче, и еще историка Н. М. Лукина. ³⁰ Только после безобразной кампании травли Академии, в которой принял участие и А. В. Луначарский, после угроз ее закрытия новое Общее собрание в феврале 1929 г. избрало всех троих «однобоких» в Академию.

И после понесенного Академией поражения В. Н. Перетца тем не менее продолжала интересоваться ее судьба, возможность выбора в нее наиболее достойных ученых. С этой точки зрения весьма интересны его оценки возможных ближайших кандидатов среди лингвистов-славистов, подтверждающие оппозиционность ученого к руководству Академии. В августе 1929 г. В. Н. Перетц писал М. Н. Сперанскому: «...вы знаете, что я у наших нотаблей не в чести и потому не в курсе дела. Платонова я не видел. Он уехал как раз перед „чисткой“ персонала Академии. В обеих канцеляриях — большие перемены. Каринский — очень современный кандидат, если играть на „понижение“ академического ценза и авторитета. Поэтому он имеет, вероятно, шансы. Дурново крупнее — самостоятельнее; а Гриша

²⁶ Там же, л. 201 об.

²⁷ «Подпускать андрона — рязанское врать, лгать, хвастать. Андроны едут — туйское, говорится, коли кто нестати важничает и дуется. Андроны толстогубые — то же»: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 17.

²⁸ М. М. Покровский (1868—1942) — академик (1929), специалист по античной литературе.

²⁹ СП60 АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 221—222.

³⁰ Брачев В. С. Укрощение строптивой... С. 121—122.

(Г. А. Ильинский. — М. Р., Л. С.)³¹ — хоть и чудак, но звезда, затмевающая их обоих по части изобретательности».³²

В письме упомянута «чистка», начавшаяся летом 1929 г. В. Н. Перетц тогда еще не мог предположить, что она есть начало «великого перелома» в судьбе Академии наук, что вскоре после массовых увольнений начнутся аресты, в том числе и среди академиков, и С. Ф. Платонов станет одной из центральных фигур сфабрикованного ОГПУ «Академического дела».³³ В оценке Н. М. Каринского В. Н. Перетц был не одинок. Так, острый на слово Г. А. Ильинский назвал Н. М. Каринского в письме Б. М. Ляпунову — «православный иезуит чистейшей воды».³⁴ Очень скоро Н. М. Каринский, хотя и не станет академиком, окажется среди организаторов съезда «лингвистов-марксистов», созванного Коммунистической академией.³⁵ Н. Н. Дурново же и Г. А. Ильинский будут изгнаны из Академии, осуждены и погубны в лагерьях.

Животрепещущая и значимая для В. Н. Перетца проблема, связанная с судьбой Академии наук, конечно, была не единственной в переписке с М. Н. Сперанским, но доминирующей. С ней, так же как и в жизни, тесно переплетались все остальные темы вплоть до выбора направления научных занятий и организации защиты диссертаций своих учеников. Клубок самых различных вопросов нашел отражение в нескольких фразах письма, написанного В. Н. Перетцем М. Н. Сперанскому в марте 1928 г. «Мне, по-видимому, удастся протолкнуть через Академию наук последний труд Шахматова (Житие Владимира), которое надо допечатать: я пугнул наших обскурантов, что, мол, устрою в УАН, если они откажут. Согласились. Мне Ефр(емов?)³⁶ писал, что бумажки Никольского ими получены и что там будет ему дан отпор. Если успею, постараюсь смягчить эту неприятность, чтобы не обострять отношений. Я полагаю, что если УАН не посягает на Московские памятники, то все же она может претендовать на „Слово о полку Игореве“ и на „Илариона“ в равной мере, как и АН СССР».³⁷ Как видим, ученый старался использовать «конкуренцию» двух Академий для пользы дела — издания работы своего покойного друга, крупнейшего русского филолога и историка, академика А. А. Шахматова. В. Н. Перетц, несомненно, был уверен, что в случае вполне возможного отказа со стороны союзной Академии из-за «неактуальности» предлаженных сочинений украинская Академия наук наверняка их напечатает. В области публикации исследований, затрагивавших древнерусскую, древнеславянскую и особенно церковную проблематику, во второй половине 20-х гг. вообще наблюдается определенное ее перемещение из центра на Украину. Это можно объяснить не только более рьяной борьбой в Москве и Ленинграде с «реакционным» наследием, но и тем, что в короткий период, трагически закончившийся с началом

³¹ Г. А. Ильинский очень увлеченно занимался вопросами этимологии, что, однако, вызывало у коллег достаточно скептические оценки. Н. Н. Дурново, например, считал, что это — «ахиллесова пята» ученого (СПБО АРАН, ф. 752, оп. 2, д. 90, л. 38). Он же посвятил разбору этимологических изысканий Г. А. Ильинского большое письмо Б. Н. Ляпунову, где, в частности, отмечал, что «среди его этимологий есть приемлемые, но самого его метода не могу постигнуть (...)». Мне кажется, что все это — упражнения в остроумии, а не научная работа» (Там же, л. 27.).

³² СПБО АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 237.

³³ Брачев В. С. Дело академика С. Ф. Платонова // ВИ. 1989. № 5. С. 117—129; Горяинов А. Н. Еще раз об «Академической истории» // Там же. 1990. № 1. С. 180—181.

³⁴ СПБО АРАН, ф. 752, оп. 2, д. 117, л. 296.

³⁵ Там же, л. 250 об.

³⁶ По-видимому, имеется в виду С. А. Ефремов, публицист и историк украинской литературы; во время чисток в Украинской АН осужден в 1930 г. на 10 лет.

³⁷ СПБО АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 197 об., 198.

борьбы с «буржуазным национализмом», на Украине в области культурной жизни большое внимание уделялось возрождению национальных традиций.³⁸ Но В. Н. Перетц отнюдь не стремился к обострению отношений между Академиями, что видно из его озабоченности письмами академика Н. К. Никольского руководству Академии наук Украины. Н. К. Никольский возглавлял Комиссию по подготовке к изданию памятников древнерусской литературы, очень ревниво относился к любым конкурентам³⁹ и, очевидно, возражал против деятельности организованной в 1927 г. в УАН Комиссии древнеукраинской письменности, также имевшей своей задачей публикацию древнерусских памятников XI—XIII вв. Комиссию возглавлял В. Н. Перетц, твердо считавший, что наследие Киевского периода древнерусской истории является общим достоянием всех восточных славян.

Трудное положение, в котором оказалась гуманитарная наука в 20-е гг., самым серьезным образом ограничивало реализацию научных достижений исследователей и публикацию их работ. Для В. Н. Перетца неблагоприятно складывалась ситуация с изданием его фундаментальной работы о «Слове о полку Игореве». Уже в декабре 1923 г. он сетовал М. Н. Сперанскому: «„Слово о полку Игореве“ мое — маринуется...».⁴⁰ Начав хлопоты об издании уже готового труда, В. Н. Перетц продолжал разрабатывать тематику, связанную со «Словом», и обратил внимание на необходимость самостоятельного изучения произведений Куликовского цикла. Сделанные ученым замечания представляются нам заслуживающими внимания. В. Н. Перетц писал: «Очень хорошо бы заняться „Донскими“; но переделывать все, что натворил Шамбинаго и пробовал упорядочить Шахматов — дело тяжелое. Хорошо бы хоть в „Задонщинах“ разобраться (я так называю «Повесть Софония», известную в 3-х списках + отрывок Акад.(емической) б.(ибблиотеки)). М. б., еще списки у Вас есть, а то ведь уныние одно, особенно Западнорусский Синодальный. Мне кажется, значение этих переделок „Слова“ слишком преуменьшается. По-своему — это прекрасные опыты для XV в., а м. б., и для конца XIV-го. И если бы найти хороший список или списки — автора можно было бы реабилитировать — если не совсем, то в значительной степени. Я все это перечел для своего несчастного „Слова“, лежащего втуне. Издатели питерские перекидывали меня один к другому, пока не кинули представителю Сабашникова, Ариоданскому, который взял у меня программу книги и обещался снести с патроном. На том дело и стало. Если Вы, как близкий к делу человек, замолвили бы слово — я бы согласился на минимальный гонорар (половину обычного московского), лишь бы двинуть в свет работу. Сейчас увлекся эпитетом и его историей в древнерусской письменности и народной словесности, и тут получают некоторые наблюдения и по части „Слова“... наши академические маги и чародеи включили мою книгу о „Слове“ в число „юбилейных изданий“, но, я думаю, надуют. Поэтому — все ишу частного издателя».⁴¹

³⁸ Известный специалист по древнерусской письменности академик П. А. Лавров смог опубликовать свое фундаментальное исследование о Кирилле и Мефодии только на Украине («Кирило та Методій в давньослов'янській письменстві». Київ, 1928). Вряд ли эта книга могла быть выпущена союзной Академией в той обстановке, которую П. А. Лавров характеризовал М. Н. Сперанскому, как «...ужасный, злобный натиск на все национальное, на все для нас священное, глумление над стариной...» (СПБО АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 166, л. 53).

³⁹ О сложности характера Н. К. Никольского, о том, что он очень болезненно переживал всякие изменения в сфере изучения древнерусской литературы, особенно организационные, см. подробнее: Рождественская М. В. К истории Отдела (Сектора) древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР (1932—1947 гг.) // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 8—13.

⁴⁰ СПБО АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 22 об.

⁴¹ Там же, л. 28, 28 об.

Недобровольное ограничение преподавательской деятельности, о котором мы уже писали, вновь направило внимание ученого на «Слово». В марте 1925 г. он писал М. Н. Сперанскому: «С горя взялся снова за „Слово“, пересматриваю и помаленьку переписываю в надежде, что вот — явится благая весть, что кто-нибудь возьмется издать такую несовременную штуку».⁴² Наконец поиски издателя привели В. Н. Перетца на Украину, где, благодаря заинтересованному в этот период отношению к своему национальному наследию, работа была встречена благожелательно. В октябре 1925 г. В. Н. Перетц с явным удовольствием сообщал: «В Киеве все было великолепно: тепло и светло; мое „Слово“ видимо устроено, я уже получил извещение, что оно переводится и скоро будет сдано в набор».⁴³ Но необходимость перевода текстов на украинский язык очень скоро вызвала у автора ряд вопросов, которыми он и поделился со своим адресатом в декабре того же года: «Моего „Слова“ набрано 5 листов, но перевод удивительный. Я бы предпочел „галицкий“, чем эти „даремнісінький, певнісінький, недавнечко“ и т. п. сентиментальности».⁴⁴ Дело с изданием продвигалось довольно быстро, и уже в январе 1926 г. В. Н. Перетц писал М. Н. Сперанскому: «Я получил известие, что уже набрано 14 листов моего „Слова“. Всего будет 18. Таким образом к посту книга должна выйти».⁴⁵

После выхода монографии «„Слово о полку Ігоревім“ . Пам'ятка феодальної України—Руси XII віку» В. Н. Перетц очень надеялся на скорейший отклик любого характера, только бы его труд не остался незамеченным и нашел как можно более широкий круг читателей. Уже в июле 1926 г. он с нескрываемым нетерпением обращался к М. Н. Сперанскому: «Да: мое „Слово“ просит отзыва, но их не получает. Напишите, что-нибудь — для Фасмера или для Мурка; хоть обругайте, да напишите — сие не для „Слова“, а для того, чтобы книга в Академическом складе не завалилась. Они на нее ухлопали 4000 рублей».⁴⁶ В конце ноября того же года вновь удрученно сообщал: «Спасибо за внимание к моему „Слову“, о нем — на всех языках молчат, включая и российский».⁴⁷ Книга В. Н. Перетца о «Слове о полку Ігореве» требовала не поверхностного отклика, а серьезного осмысления, и в следующем после издания книги году появились многочисленные рецензии, в том числе и М. Н. Сперанского в пражском журнале «Slavia».⁴⁸

В. Н. Перетц широко известен не только как выдающийся ученый, но и как прекрасный воспитатель научной молодежи. Еще в Киевском университете в 1904 г. он создал свой Семинарий русской филологии, переведенный в 1914 г., после его избрания академиком, в Петроградский университет. Еще в 1910 г. А. А. Шахматов, председательствующий в ОРЯС Академии наук, высоко оценил усилия В. Н. Перетца: «Все не успевал Вам написать несколько благодарственных строк по поводу того удовольствия, которое Вы доставили нам, познакомив нас с Вашими учениками. Честь Вам и слава! Некоторые из них несомненно станут скоро

⁴² Там же, л. 58.

⁴³ Там же, л. 70.

⁴⁴ Там же, л. 75 об.

⁴⁵ Там же, л. 88.

⁴⁶ Там же, л. 103.

⁴⁷ Там же, л. 118 об.

⁴⁸ Библиографию рецензий см.: Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 249. О значении труда В. Н. Перетца для науки о «Слове о полку Ігореве» см.: Дмитриев Л. А. Книга академика В. Н. Перетца «„Слово о полку Ігоревім“ — пам'ятка феодальної України — Руси XII віку» (к 50-летию издания) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 344—350.

украшением которого-нибудь из наших университетов».⁴⁹ Авторитет семинария В. Н. Перетца сохранялся и в дальнейшем, о чем свидетельствует другое письмо А. А. Шахматова, написанное в марте 1916 г.: «С удовольствием посетую Ваш семинарий, если окажусь свободным в указанные Вами дни».⁵⁰ В новый, гораздо более трудный период В. Н. Перетц продолжал начатое дело, вывозил своих учеников для занятий в другие города, и прежде всего в Москву. 30 мая 1923 г. он сообщал М. Н. Сперанскому: «Между 12 июня и 10 июля я намерен с женою и 10-ю молодыми людьми, в числе коих две девицы, побывать в Москве (...) можно ли членам моей экспедиции надеяться, что мы сможем воспользоваться рукописями Исторического музея».⁵¹ В этом письме ученый перечислил весь состав своей экспедиции, назвал темы занятий некоторых из ее участников и архивные материалы, хранящиеся в Историческом музее и необходимые для работы. В группе приехавших с В. Н. Перетцем в Москву был и И. П. Еремин. В те годы он только начинал свой путь в науке, и все, что связано с именем одного из интереснейших исследователей древнерусской литературы, представляет несомненный интерес. Для него В. Н. Перетц попросил у М. Н. Сперанского следующие материалы: «И. П. Еремину — Патерики переводные, особенно № 551 Синодальной библиотеки и Лобковский Пролог Хлудовский 187,⁵² каковой *пора бы* извлечь из Типографской Библиотеки».⁵³ Вскоре В. Н. Перетц снова обращается к М. Н. Сперанскому с просьбой: «Мой слушатель, Игорь Петрович Еремин, снова едет в Москву для занятий. Прошу оказать ему содействие. Он закончил свою первую работу — о хромце и слепце, он мог бы сообщить результаты своей работы, совершенно новые».⁵⁴

Добрым и заботливым отношением проникнуты замечания В. Н. Перетца и о другом молодом ученом, будущем академике М. Н. Тихомирове. Из писем В. Н. Перетца следует, что он уже несколько лет наблюдал за научными занятиями М. Н. Тихомирова, ведь оба они жили в конце 10-х гг. в Самаре. В. Н. Перетц возглавлял Подотдел охраны культурных ценностей при Самарском отделе народного образования и организовывал работу по собиранию и спасению по всей губернии рукописей и книжных собраний, а М. Н. Тихомиров заведовал библиотечной секцией уездного отдела народного образования, занимался, в частности, и сбором книг, рукописей в брошенных усадьбах. В 1921 г. В. Н. Перетц уехал из Самары, а М. Н. Тихомиров с 1921 по 1923 г. преподавал в Самарском университете. Очевидно, влияние этой последней деятельности имел в виду В. Н. Перетц, когда писал в декабре 1923 г.: «...спасибо, что приютили Мишу Тихомирова: его самоуверенность объясняется тем, что в Самаре два последних года он был „сам себе голова“, — ну, а это кружит голову. Жалею от всей души, что не могут работать под Вашим руководством мои киевляне: Гудзий и Богуславский: в погоне за куском хлеба зело „страстями житейскими подавляются“».⁵⁵ М. Н. Тихомиров в 1923 г. стал внештатным сотрудником Рукописного отдела ГИМ, который возглавлял М. Н. Сперанский. Судя по

⁴⁹ ЦГАЛИ, ф. 1277, оп. 1, д. 91, л. 7.

⁵⁰ Там же, л. 23.

⁵¹ СПбО АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 17.

⁵² Лобковский пролог 1262 г. — рукопись, принадлежавшая А. И. Лобкову до ее покупки А. И. Хлудовым. См.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. С. 199—200. В соответствующем месте книги А. Попова «Описание рукописей и каталога книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова» (М., 1872), хранящейся в ГИМ, на с. 374 сделана помета: «26/Х — 923 г. возвращено в Собрание. М. Сперанский».

⁵³ СПбО АРАН, ф. 172, оп. 1, д. 226, л. 17.

⁵⁴ Там же, л. 21.

⁵⁵ Там же, л. 24.

всему, он сумел изменить первое впечатление М. Н. Сперанского о себе довольно скоро, уже к февралю следующего 1924 г. Об этом свидетельствует еще одно письмо В. Н. Перетца: «Радуюсь за М. Тихомирова: держите его в узде — и действительно выйдет хороший работник».⁵⁶

В. Н. Перетц заботился не только о поддержке начинающих ученых, но и о том, чтобы вывести в широкий мир международной науки уже сформировавшихся талантливых исследователей. Редкий случай для налаживания личных связей с представителями науки из европейских стран представился во время празднования юбилея Академии наук, хотя, как отмечал сам В. Н. Перетц, приехавших зарубежных ученых было очень немного. Сам он довольно скептически относился к юбилейным торжествам и своему возможному участию в них, в это время он остро переживал недобровольное ограничение работы в университете, и к тому же серьезно пошатнулось его здоровье. Но, дабы не упустить случая, В. Н. Перетц 2 августа 1925 г. обратился за помощью к М. Н. Сперанскому: «Я лично по слабости головы и сердца не смогу принять участие в этих „праздничествах“, как выразился Матвей Мартинович (Мурко. — *М. Р., Л. С.*) в письме ко мне. Поэтому я обращаюсь к Вам с большою просьбою: познакомить с заграничными коллегами Варвару Павловну (Адрианова-Перетц. — *М. Р., Л. С.*) и Софью Алексеевну (Щеглова. — *М. Р., Л. С.*) и взять их с собою на соответствующие заседания и спектакли: вероятно, мне билеты пришлют. Но я уж никуда не пойду! Мне очень хотелось бы, чтобы благодаря этому юбилею и съезду у Варвары Павловны завязались непосредственные сношения с нашими славистами: я-то скоро сойду со сцены, она и Софья Алексеевна останутся. А в нашем деле тоже без знакомства нельзя».⁵⁷ Тогда же В. Н. Перетц серьезно думал о том, кем же будет пополняться состав Академии в будущем, и считал необходимым поделиться своими наблюдениями с коллегой: «Трудное теперь время. У меня есть на примете молодой кандидат. Скоро о нем, м. б., услышите в Москве — поедет к родным, а заодно и где-нибудь докладец прочтет: это В. М. Жирмунский. Но он одной генерации с Варварой Павловной и — в своем роде — одного калибра. Его дело — в будущем, когда немного подрастет».⁵⁸ В. М. Жирмунскому было тогда 35 лет, но все же В. Н. Перетц сумел разглядеть талант и потенциальные возможности молодого профессора Ленинградского университета и будущего академика. С ужесточением государственной политики по отношению к гуманитарной науке, высшей школе, Академии наук естественный рост достойной научной смены все более затруднялся. В. Н. Перетц не мог сдержать своего возмущения, когда на пути к защите кандидатской диссертации И. П. Еремина встали не научные, а политико-идеологические препятствия. В ноябре 1928 г. он писал М. Н. Сперанскому: «С Иррем — чепуха: Келтуяла, ровно ничего не нашедший сказать о его диссертации о Шиле — придирается к тому, что „мало марксизма“ и что вся работа сделана „по-буржуазному“. Вот дурак! И это — лицо, стоящее во главе специальности в когда-то славном Ленинградском университете. Если бы я был на месте автора диссертации, я бы не стал колебаться и предпочел бы защищать ее в более приятном обществе. Но — Игорь человек современный и с большою угнетенностью психики и потому намерен переделывать (...) свою работу. Я хоть и предложил ему защищать в другом месте — сейчас никакого совета ему не даю, чтобы не оказывать давления: пусть сам несет последствия своего решения, ибо честь была предложена.

⁵⁶ Там же, л. 28 об.

⁵⁷ Там же, л. 67, 67 об.

⁵⁸ Там же, л. 85 об.

Боюсь только, что он будет наказан теми, к кому хочет прислужиться, ибо там „своим“ его не считают и не будут считать, и ГУС (Государственный ученый совет. — М. Р., Л. С.) не утвердит его защиты, если учтет отзыв Келтуялы». ⁵⁹ И действительно результатом такого отзыва В. А. Келтуялы, одного из известных «марксистских» исследователей древнерусской литературы, занимавшего соответствующую кафедру в Ленинградском университете, специализировавшегося на историко-материалистическом изучении литературных произведений, ревностного приверженца «социологического метода», была отсрочка с защитой диссертации И. П. Еремина в шесть лет.

В. Н. Перетц заметил на примере своего ученика одну особенность, появившуюся у нового поколения уже советской интеллигенции: ее нерешительность, подавленность, готовность примириться с властью имущими. Ему, человеку прямому, привыкшему не скрывать своих взглядов и готовому, если необходимо, идти на конфликт, подобные настроения были глубоко чужды. Но времена круто менялись, независимость позиции и даже мыслей могла привести только к удалению из науки, а затем и к репрессиям. Обоих академиков ожидали тяжелые испытания. И В. Н. Перетц, и М. Н. Сперанский были арестованы фактически одновременно: первый — 11 апреля, а второй — 12 апреля 1934 г. В задачу этой статьи не входит рассмотрение тех сфабрикованных обвинений, которые были им предъявлены. ⁶⁰ Оба ученых были осуждены также почти одновременно: В. Н. Перетц — 16 июня, М. Н. Сперанский — 6 июня 1934 г. к трехлетней высылке, которая у последнего в ноябре была заменена на условное наказание. Но 22 декабря 1934 г. Общее собрание Академии наук исключило обоих ученых из своего состава. Б. М. Ляпунов в своем дневнике, как правило содержавшем очень краткие и сухие записи, кроме точного времени, когда 22 декабря было принято решение на заседании в кабинете Непременного секретаря — 11 часов 15 минут — 12 часов 40 минут дня, с грустью записал, снабдив свое замечание многозначительным многоточием, что заседание «окончилось очень печально — исключением В. Н. Перетца и М. Н. Сперанского...». ⁶¹

В. Н. Перетц и М. Н. Сперанский окончательно восстановлены в научных званиях только Общим собранием Академии наук в 1990 г. ⁶²

⁵⁹ Там же, л. 217, 217 об.

⁶⁰ См.: Бернштейн С. Б. Трагические страницы из истории славянской филологии (30-е годы XX в.) // Советское славяноведение. 1989. № 1. С. 79—81; Горяинов А. Н. Славяноведы — жертвы репрессий 1920—1940-х годов. Некоторые неизвестные страницы из истории советской науки // Там же. 1990. № 2. С. 81—83; Вернадский В. И. Дневник 1938 года // Дружба народов. 1991. № 2. С. 224.

⁶¹ СПБО АРАН, ф. 752, оп. 1, д. 106, л. 163.

⁶² См.: Вестн. АН СССР. 1990. № 2. С. 157.